

Ирина АНДРЕЕВА

ИСПОВЕДЬ ЭМИГРАНТА

Писательская стезя позвала меня в дорогу поездом «Москва-Барнаул». На исходе лета 2022 г. в 05.35 по тюменскому времени вошла в полутёмное спящее купе, присела на нижнее место справа, уступая дорогу ещё одному пассажиру. Следом ввалился молодой парень в спортивной одежде с огромным клетчатым баулом, играючи забросил его на третью, багажную полку. Я молча подала ему свою поклажу, выразив просьбу взглядом. Парень управился и с моей сумкой, тотчас запрыгнул на верхнюю полку, улёгся спать.

Я ждала, когда можно будет купить постельное бельё, чтобы устроиться основательно. Поезд тронулся. Пассажир напротив меня шевельнулся, откинув одеяло, спросил:

– Какая станция?

Я тихо ответила, назвала местное время. Он как-то рывком поднялся, аккуратно застелил постель, прихватил туалетные принадлежности, вышел из купе. Я для себя отметила: «Пожилой, вот и не спится». Видимо, со сна он

действительно показался мне пожилым, седым, несколько помятым, взъерошенным. Но вернулся он свежим, бодрым и улыбчивым, сразу помолодевшим:

– Вот теперь доброе утро!

– Доброе, – улыбнулась и я.

– Как погода в Тюмени? – заговорщицки полушёпотом спросил он.

– Ничего, хорошее лето было, и осень вроде обещает быть доброй.

– Хорошо бы. А у Вас какой конечный пункт?

– Я до Барнаула.

– Понятно, а я чуть раньше сойду, станция Ребриха. Вы уж извините, что с разговорами навязываюсь, как-то одичал я без человеческого общения. Вторые сутки в пути. В попутчиках одна молодёжь, то по ресторанам бегают, то в телефоны свои уткнутся, не видят и не слышат ничего.

Я намекнула, мол, пообщаемся ещё, пусть молодёжь поспит, жестом указала на соседей. Он кивнул согласно, снова вышел, но скоро вернулся с двумя стаканами горячего чая в подстаканниках,

Ирина Андреевна АНДРЕЕВА (Катова) родилась на юге Тюменской области в селе Партизан Абатского района. Окончила Тюменский машиностроительный техникум. Работала мастером на строительстве жилых и производственных объектов, секретарём в НИИСХ «Северного Зауралья». Член Союза писателей России. Публикуется в российских журналах и альманахах. Дипломант литературных конкурсов.

Живёт в пригороде Тюмени.

подмигнул, выказывая чувство юмора и доброжелательности, свойственное русскому человеку, которое я вскоре оценила.

– Давайте чайком побалуемся.

Теперь я разглядела его как следует. Мужчина был не молод, но и не стар, однако старше меня лет на десяток, как не больше. Среднего роста, жилистый. Плотные сжатые губы, и складка между бровей выдавала цельную волевою натуру. Живыми, задорными были его синие глаза, глаза человека, который не сдаётся обстоятельствам жизни. Я уже встречала таких «живчиков», на которых держится наша планета, не замедляя свой бег... Между тем достала вечную спутницу своей жизни – книгу. В этот раз это была «Русские эмигранты и их потомки» Аиды Арьё.

Позже, когда проснулись, вышли из купе наши попутчики, мы разговорились. Познакомились. Звали его Виктор Петрович. Сибиряк-алтаец из села Зелёная Роща. Разговор сначала крутился вокруг биографий – кто где родился, учился, трудился. Много совпадало в нашем деревенском происхождении, укладе жизни семей. Я отложила книгу в сторону, давая понять, что заинтересована беседой, он высмотрел название, спросил оживлённо:

– Хорошая?

– Мне нравится, – уклонилась я от подробного ответа.

– А я ведь тоже эмигрант, только поздний.

Он поведал, что всей семьёй уехали в Германию в 2016-м, что это было мечтой его жены, сибирячки, односельчанки, немки по происхождению. После развала Союза вся её родня ещё в девяностые эмигрировала на историческую родину, лишь она задержалась надолго...

В России он работал до семи-десяти двух лет. Жена преподавала немецкий в университете. А по выходным «пахали» на даче.

– Хотелось ведь и детям-внукам помочь, а их у нас: трое сыновей, снохи, шесть внуков. Все они тоже рвались туда. Короче, сдался я. Ведь не останусь же тут один. Вы слышали в Германии город Нюрнберг?

– Конечно, в советской школе историю преподавали нормально.

– Так вот, поселились мы совсем рядом. Оно бы ничего, но уж больно значим этот город для меня. Что это, провидение судьбы, рок?

Виктор Петрович поведал историю родителей.

– В начале 20-х дед мой, Проконий, украинец из села Алексеевка под Харьковом, женился на моей бабушке Дарье, в 1925 году у них родился отец мой Пётр. Затем Иван. Тяжёлые это были годы. Дед наш умер очень рано – простудился на работе, когда папе было семь лет. А 1933 год папе особенно запомнился ещё и по страшному голоду, охватившему весь юг СССР и Поволжье. С раннего детства помогал он матери. Тяжело было в те годы бабушке одной поднимать сыновей. Женщина она была совсем молодая, красивая, вот и вышла замуж второй раз – за мужчину надёжного, работающего. От этого брака родились ещё три мальчика.

После окончания школы-семилетки отец в шестнадцать лет пошёл работать на авиационный завод резчиком листовой дюралюминия на гильотинных ножницах. Завод был военный, чтобы туда попасть, надо было пройти всевозможные проверки.

Вскоре и Ваня стал работать. Жизнь в семье начала налаживаться. Но вдруг – война!!! Великая Отечественная...

Фашисты неудержимо пёрли на восток, и вскоре на Харьковском авиационном заводе приступили к эвакуации. Молодых ребят, в том числе и папу, оставили для погрузки оборудования на эшелоны. Куда эвакуировался завод, он узнал только ближе к старости, когда стал оформлять документы для пенсии, – в Пермь. Но ему не довелось туда попасть.

С последним эшелонам, забитым станками и беженцами-евреями, сидевшими даже на крышах вагонов, он смог отъехать от Харькова только на тридцать километров. На одной из станций поезд попал под авиабомбёжку и сгорел.

Уцелевший папа пошёл обратно домой.

Красная Армия оставила Харьков без боя в сентябре 1941 года. На всю жизнь отец запомнил картину, виденную им издали, как немцы серыми колоннами походным маршем втягивались в город зловещей змеей по Холодной горе...

Ну, а потом они на каждой улице посёлка назначили старост, которые вскоре объявили:

– Кто хочет иметь работу, пусть приходит на вокзал!

Работа для Петра – спасение всей семьи. Рано утром 28 февраля 1942 года, получив от мамы узелок с обедом, он отправился к вокзалу, думая, что вечером после трудового дня вернётся домой. Вместе с ним пошёл и его двоюродный брат Коля.

На перроне было уже полно народу, таких же шестнадцатилетних парней. Все ждали работы, но никто ничего не мог объяснить. Настораживало наличие немецких солдат, которые вскоре принялись загонять всех в помещения вокзала. Назад уже не выпускали.

Когда вокзал набился народом, солдаты выстроились коридорами до товарных вагонов подошедшего эшелона, загнали в них людей и закрыли двери на замки. Поезд двинулся в путь. Куда?!

Ошеломлённые парнишки молчали в недоумении – всё произошло так быстро!

Первый раз открыли товарняки и дали попить, когда прибыли уже, как выяснилось, в Польшу!

Позднее он ничего не мог вспомнить, сколько дней они были в пути. Пришёл в себя только, когда их стали разбирать и отправлять на работы, в Германии.

Отца с братом повезли в Нюрнберг в паровозоремонтное депо. Здесь их вместе с несколькими русскими ребятами прикрепили к старому немцу-мастеру, под присмотром которого они стали чистить от ржавчины котлы и трубопроводы паровозов. Работа грязная, пыльная, в котлах можно пролезть только тощему парнишке – сами немцы эту работу не делали.

Спали «ост-арбайтен» в бараке недалеко от депо под охраной. Вооружённый конвой каждое утро водил их строем. На работе тоже охрана, а вечером под конвоем – в барак.

Вся война папе запомнилась постоянным желанием есть – кормили отходами, чтоб только не сдохли!

Ослабленные голодом, непосильной работой, спящие в сырых холодных бараках пленные постоянно болели и нередко умирали. Как-то Петя тоже захворал: под подбородком назрел огромный нарыв, глотать невозможно, голову не повернуть, от приступов боли подташнивало, тело то горело огнём, то мёрзло в ознобе. Пришёл немец-фельдшер и без наркоза

разрезал нарыв. Шрам от этой «операции» остался у отца на всю жизнь.

Однажды, ближе к концу войны, пригнали в лагерь новую партию «ост-арбайтен». Там оказались земляки прямо с харьковского посёлка Алексеевка.

Естественно, начались распросы: «Как там наши?»

– У тебя, Петро, – говорят, – все живы, Ивана только тоже в Германию угнали, да маленький Сашко ещё в начале войны заболел и умер. А вот у Кольки всю семью немцы расстреляли! Мать фашистам корову-кормилицу не отдала... После этого известия Николай стал сам не свой, и, если бы не папа, он бы натворил что-нибудь такое, после чего и его бы расстреляли.

Война катилась к предопределённому ей концу, Советская Армия уже вступала в пределы Германии. Американцы открыли второй фронт. О том, что фашистам скоро «капут», можно было судить по несвойственному немцам беспорядку на весьма важном для рейха Нюрнбергском сортировочном железнодорожном узле – он стал забит вагонами до предела. Всё меньше и меньше немцев-рабочих выходило на ремонт паровозов.

Из ворот стоявшего рядом с лагерем филиала фирмы «Манн» перестали выходить новенькие танки «Тигр».

Затем пленных не стали выгонять на работу из лагеря, исчезла охрана. Депо опустело, а вагоны на сортировочной станции не охранились.

Вечно голодные «ост-арбайтен» воспользовались этой ситуацией: по ночам в поисках пропитания выбирались из бараков, взламывали товарные вагоны и тащили всё, что попадалось, но в первую очередь – еду.

И вот подошла развязка войны! В одну из ночей на Нюрнберг налетели американские самолёты и приступили к массированной бомбёжке. Конечно, железнодорожному узлу и танковому заводу «Манн», как важнейшим стратегическим объектам, досталось больше всех остальных районов города.

Трое суток отец с несколькими товарищами безвылазно сидел в каком-то канализационном колодце, голодом, каждую минуту ожидая смерти!

Наконец 19 апреля 1945 года взрывы наверху прекратились. Подождав ещё несколько часов, парнишки осторожно выбрались из своего убежища. Вместо городских улиц и вокзала перед ними лежали дымящие и горящие развалины, а первым из людей им встретился негр. Первую секунду они оторопели – на фоне адских разрушений он показался им чёртом – негров-то они никогда не видели! А тот сидел на танкетке, скалил белоснежные зубы и подзывал к себе, протягивал галеты!

Война окончилась! Надо возвращаться домой.

Но не тут-то было! Победители разделили Германию на четыре зоны: американскую, английскую, французскую и советскую. Нюрнберг оказался у американцев, которые собрали со всего города интернированных гитлеровцами рабочих и разместили их в уцелевшем от бомбёжек трёхэтажном здании – бывшей казармы училища офицеров СС. Здесь оказались выходцы из всех стран Европы.

Целый месяц шли разборки. Не раз американцы предлагали русским уехать на жительство в США, в Англию или остаться в Германии. Запугивали:

– Сталин сказал, что у вас нет пленных, а потому, если кто вернётся домой, всех, как предателей, расстреляют или отправят в Сибирь!

Некоторые согласились. Папу такой вопрос не мучил – только на Родину, только домой, в Харьков!

Вскоре американцы всех, пожелавших вернуться в СССР, вывезли из лагеря в Чехословакию и передали советским военным властям. Там начались допросы и проверки об обстоятельствах интернирования. Когда отец с Николаем убедили дознавателей в своей лояльности, им дали какие-то справки и отпустили домой. А добирайтесь – как сможете!

И пошли они, два брата, пешком по разрушенной послевоенной Европе. Сначала по Чехословакии, потом по Польше. Кормились тем, что удавалось найти в обезлюдевших хуторах и деревнях. Несли с собой матрас один на двоих, чтобы не на голой земле спать, да пистолет с патронами – в оружии тогда на полях Европы недостатка не было – какое только захочешь!

В июле подошли к польско-советской границе на Львовщине. А переходить сразу – страшно. Вдруг и вправду, как американцы предупреждали, сгребут – и в Сибирь, а то и расстреляют!

В каком-то селении продали матрас, пистолет зарыли в приметном месте. И пошли к пограничникам, навстречу судьбе! Их первым делом обыскали, раздев догола, деньги от продажи матраса отобрали. После этого братьев отправили в Дрогобыч и передали в соответствующие органы для проверки по линии НКВД. Недели три их держали в камере, иногда вызывали на допросы. Камеры следственного изолятора были забиты до предела такими же бедолагами.

Наконец проверка закончилась, и их обоих, как ещё не служивших в армии, отправили в распоряжение Львовского военкомата. Там медкомиссия обнаружила у отца порок сердца, несовместимый со службой в строевых частях, и его направили в трудовую бригаду. Здесь пути двоюродных братьев разошлись: Николая оформили служить, а отец приступил к работе в подсобном хозяйстве при штабе Прикарпатского военного округа, что размещалось возле села Винники в предместье Львова, а совсем рядом располагалось поповское поместье Гоначев, где в конце войны погиб в схватке с бандеровцами легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов.

Работал папа сначала на полевых работах в подсобном хозяйстве при штабе, а потом, тут же – экспедитором. Как экспедитор, ездил по окрестным деревням, заключал с жителями договоры на поставку продуктов, закупал и завозил их в подсобное хозяйство или в город.

А ведь это же были времена самого разбоя бандеровцев в тех местах. Львов – столица Западной Украины, бывшая резиденция Степана Бандеры. Бандеровцы люто ненавидели Советов, русских – «москалив»! И к восточным украинцам у них отношение было такое же, если ещё не злобней: «Продались москалям!»

Каждую ночь в окрестных лесах, а то и в сёлах раздавалась стрельба. Можно представить, в какой смертельной опасности находился отец, ежедневно разъезжая из села в село по лесам Прикарпатья. Ведь он, в глазах местных жителей, у каждого из которых были родственники-бандеровцы, работал на «русских оккупантов».

Но Бог миловал, отец находил общий язык с селянами. А среди работников подсобного хозяйства появились новые друзья: чех Свобода, еврей Леках и другие парни, тоже хватившие лиха во время войны.

Вот тут-то и встретились мои родители, а вскоре и поженились в 1946 году! Мама русская – коренная сибирячка, из рода казачества. Отец её пропал без вести в 1942-м, бабушка осталась с тремя детьми. Чтобы облегчить долю матери, старшая её дочь (наша мама) завербовалась на восстановление народного хозяйства после войны. Работала она в столовой подсобного хозяйства штаба Прикарпатского военного округа.

9 мая 1947 года в этом месте родился я, их первенец, названный Виктором – в честь Победы. Всё моё раннее детство в Западной Украине проходило среди военных. Бандеровцы орудовали под самым Львовом. Когда по ночам у стен подсобного хозяйства начиналась стрельба, меня хватали и прятали под подоконник – чтобы не зацепило шальной пулей, залетевшей в окно. Когда я научился ходить, уже сам стал прятаться при стрельбе под подоконник.

Кстати, разговаривал я, пока не приехали в Сибирь, по-украински: «Мамо, дывись, якый м'яч мэни дяди у городи куплялы!»

Как-то приехала к нам погостить с Алтая бабушка (мать мамы), наслушалась ночной стрельбы и не отстала, повезла дочь с внуком домой. Отца отпустили чуть позже, после отработки.

Беседа наша затянулась до вечера с перерывом на обед. Соседи по купе не тяготились ею: девушке с наушниками, всё равно – в ушах музыка, молодой человек оказался вахтовиком, не получилось купить плацкартный билет с товарищами,

пропадал в их вагоне.

Виктор Петрович стал беспокойным, всё чаще подскакивал с места, всматривался в проплывающие за окном вагона пейзажи – явно уже узнавал родные места. Загодя собрал сумку.

Было уже время ночного отдыха, но мы продолжали разговор. Я, правда, не сказала о роде своей деятельности, но уверила:

– Вы, рассказывайте, Виктор Петрович, мне это не просто интересно – нужно!

Сама я говорила мало, лишь редкие вопросы задавала. Уж такой я человек – выслушать вот умею...

Попутчик с удовольствием продолжал свой рассказ. По тону изложения я чутко уловила – скучает он там, ностальгия измучила, он вторил моим мыслям:

– Мне нравилась та жизнь на природе. Трудная она или нет – сравнить было не с чем, но лучше мне и не хотелось. Теперь вот только и живу той памятью детства. «Горек хлеб чужих земель»...

– Ахматова, – узнаю я.

– Анна Андреевна, – удовлетворён собеседник.

– Разве Вам нечем заняться на отдыхе? Разве нет любимого дела, хобби? – пытаюсь его ободрить. – Вот Вы про книгу мою спрашивали, она как раз об эмигрантах, которые состоялись на чужбине. Судьба весьма изобретательна и порой выдвигает «в люди» по своей прихоти. Были среди эмигрантов те, кто сумел добиться успеха. Не без русской выносливости и стойкости, конечно. А Ваш юмор, который не даёт пропасть в сложных ситуациях!

– Хобби? Есть, конечно, есть! Я с раннего детства пристрастился к рисованию. Вот теперь реализовываю свои идеи: пишу картины маслом, сколько душе угодно.

Только тема у меня почти всегда – малая родина. Нигде не встречал я таких трав, ягод, цветов, грибов, как в родных местах. Эх! – он надолго затих.

Потом больше говорил о жизни в Германии:

– Эх, как я теперь понимаю и вспоминаю часто того казака Карася из оперы «Запорожец за Дунаем». А ещё арию половецкого хана Кончака из оперы Александра Бородина «Князь Игорь»: «Хочешь, возьми коня любого!/ Возьми любой шатёр!» Не моё там всё. И не надо мне никаких Канар, ни Карловых Вар. Чужд весь этот «просвещенный и цивилизованный» Запад. Россия-матушка в войне... Одна отбивается от всего НАТО. А я там торчу. И не только от НАТО, но и от всех этих извращенных европейских ценностей. Мужики в юбках и на каблуках! В страшном сне такое не приснится. ВОЗ признала третий пол! Даже когда жена иногда просит меня шорты надеть, я ни разу на это не согласился –

*Недаром сквозь страхи земные,
В уже безысходной тоске,
Я сильную руку России
Держу в своей слабой руке.*

Не насмелилась я спросить, чьи они, тихо сопела в две дырочки, отлично понимая, что ему надо было выговориться.

Видимо, в это время я слегка задремала, путая явь и сон, слышала, как попутчик живописал дорогие сердцу места: «Как прекрасны наши леса! А в сенокос! Поле с поспевающей пшеницей в двести гектар. У меня перехватывало дыхание от этого вида. Далеко-далеко, на противоположном краю синееет лес в утренней туманной дымке. Мы едем с отцом по полевой дорожке, а в пшенице бьют перепала: Фить-пирю! Фить-пирю!

не-пристойно это потомственному сибирскому казаку.

Вообще-то путь на Родину не закрыт, у меня осталось российское гражданство. До этих событий мои сыновья по нескольку раз в год ездили домой – в Россию. А я вот первый раз вырвался, пока ещё небо Турции для нас открыто: через Стамбул на Москву, теперь вот на поезде решил прокатиться – созерцаю родные просторы. Накопил денежек, еду поклониться родительским могилам, подправить их как следует. Придется ли ещё побывать...

Мой младший сын с семьёй уже в феврале засобирался на Родину и уехал в июле: «Там война, надо домой!»

До «дома» ему оставалась одна ночь. Мы наконец улеглись на отдых. Я попросила:

– Виктор Петрович, расскажите ещё что-нибудь. Шёпотом, я услышу.

Тихим, проникновенным голосом он прочёл мне четверостишие:

Восторг распирает мою грудь: так бы слушал и слушал, дышал и дышал полной грудью, ощущая себя бесконечной счастливой частичкой этого великолепного мира!»

Я всё-таки сдалась – сладко уснула под эту благостную картину, не слышала, как мой попутчик ещё долго вздыхал и крутился, не находил себе покоя.

Утром, когда проснулась, Виктора Петровича уже не было в купе. Даже странно, ведь я так чутко сплю. Видимо, он загодя собрался в самую сильную фазу моего сна и вышел с вещами. Мне представилось, как он вглядывался

в предрассветную тьму окна в тамбуре, с дрожью в коленях предвкусывая момент, когда сойдёт на родную землю. Ещё с вечера спросила его:

– Есть ли Вам у кого остановиться?

Он улыбнулся:

– В деревне до сих пор помнят нашу семью добром, любой пустит. Я неприхотливый, в любом уголке прикорну...

Убирая постель, обнаружила между подушкой и стенкой плотный файл на кнопке. Открыла, прочла: «Записки позднего переселенца». Он мне доверил это!

Мои глаза наполнились солёной влагой. В кармашке файла белый листок, сложенный пополам, развернула. Это записка мне. Почерк каллиграфически выверенный, так пишут люди старой школы, учившиеся писать перьевой ручкой...

«Ирина, попутчица моя внимательная, обращаюсь к Вам с почтением, с просьбой, употребить этот материал с пользой. Это, Ира, для тех, кто ещё хочет сюда переехать. Пусть не торопятся! Хлеб чужих земель действительно горек!

Да и Германия уже не та! Легла и смирилась под Америкой».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА

11 мая 2020 года. Засел за натюрморт из букета цветов, растущих только в лесостепи нашей милой малой Родины. А возле букета размещу вазы с ягодами клубники, костянки, чёрной смородины и тарелку с груздями. Хорошо бы ещё жареных карасей и пельменей. А если ещё картошечку отварную рассыпчатую! Да хлеба нашего пшеничного! Боюсь, места на холсте не хватит.

Этих даров природы я, кроме наших мест, не встречал нигде: ни на Сахалине, ни в Европе. Как поётся: «Немало я стран перевидал», и много каких деликатесов там перепробовал, но лучшей ягодой считаю нашу луговую клубнику, лучшими грибами – грузди, а лучшей рыбой – карася! Ну, а лучшее блюдо – пельмени по-сибирски из трёх видов мяса в одном фарше: говядины, свинины и баранины. Правда, старики говорили, что лучший фарш для пельменей наши далёкие предки готовили, смешивая лосятину, медвежатину и мясо косули. Вот не знаю, не довелось такое отведать.

24 августа 2020 года. Закончил натюрморт. Там в букете я нарисовал сибирские цветы: саранку обычную и огненную, водосбор, горицвет, ветреницу, жарки. Ну, и другие: медуница, колокольчики, кукушкины слёзки и вездесущий тысячелистник. Красные ягодки в синей чашке – это костянка (костяника). Я её, кроме как в наших берёзовых лесах, больше нигде и не встречал.

Ещё добавил на стене берданку, рога косули и хвост тетерева-косача – то есть, те охотничьи реквизиты и трофеи, что окружали нас с детства. За эти реквизиты жена с невестками потребовали картину перерисовать, но, когда я пообещал добавить там удочку с карасями, а также лошадь и корову за окном – они дружно сплюнули и критику прекратили. И тогда я тихонечко пририсовал за тарелками с солёными огурцами, помидорами и груздочками стограммовый стаканчик с водочкой. А что? Своя рука – владыка!

24 февраля 2022 года. Гостим у сына в Праге. Узнаём: президент России объявляет специальную военную операцию (СВО) на Украине. В Харькове живут наши близкие родственники, похоронена моя бабушка и трое дядек. В летописи Харьковской епархии с 1668 года упоминается казачий полковник с нашей фамилией. Он оборонял южные рубежи Слободской Украины от набегов крымских татар и был в подчинении у белгородского воеводы в составе России. Верно служил царю Алексею Михайловичу Тишайшему (отцу Петра Первого), гонял воров и клятвопреступников Стеньки Разина.

По матери я русский, из чалдонов, тоже казаков, но сибирских. И вопроса за кого мне быть – не возникает. На Украине правят теперь враги России, уничтожающие даже память о русских! Мы в печали!

17 августа 2022 года. Кроме естественной для любого человека ностальгии по прошлому, я пока никаких беспокойств здесь в Германии не ощущаю, если не считать слабого знания языка. Однако настораживает то, что в последнее время здешние бывшие переселенцы нередко возвращаются обратно в Россию. И даже во втором-третьем поколении, целыми семьями с маленькими детьми. Большинство из них плохо помнят СССР или совсем не помнят, некоторые уже не знают русского языка, но это их не останавливает. Почему?

Наш сосед, теперь в возрасте около 60 лет, переехал сюда с Алтайского края. Родину посещает в отпуске чуть ли не каждый год. Семья, машина, работает водителем городского автобуса. Дочь ходит в школу. Разговаривают и

на немецком, и на русском языке. Дом – полная чаша. И вдруг однажды говорит с грустью: «Не та стала Германия, в какую мы приехали в 1995 году. После наплыва беженцев из Азии и Африки на улицах стало грязнее. Из-за них и уровень зарплаты, и пособий снижается. Страна была уважаемым, независимым государством, а теперь в подчинении у Америки.

А тут ещё и война на Украине, беженцы заплотнили улицы, вокзалы, магазины. Ведут себя как дома, по-хамски, не понимая, что находятся в стране с другой культурой. Кричат они по-русски, их мову-то вообще никто «нихт ферштейн». А немцы, принимая их за россиян, и нас не уважают! Эх, если бы не кредитные долги, давно бы уехал на Родину!»

Другие, бежавшие из ФРГ, из Финляндии, объясняют своё возвращение тем, что боятся за будущее своих детей. В школах ввели уроки о праве человека изменить пол, об однополых браках и призывают детей не чураться этих извращений! Создали специальную, ювенальную полицию. Они, по навету учителей или даже соседей, предъявляют родителям обвинение в неправильном воспитании ребёнка, на глазах у них отбирают его навсегда без права на свидания, а потом отдают в бездетную семью. Может, даже живущую в однополым браке. И что из него вырастет?!

Десять дней назад в СМИ вспомнили интервью *Хиллари Клинтон* шестилетней давности для корреспондента Рос Чайлдс, ведущей американского издания ABC News. Тогда Хиллари боролась за президентское кресло США. Она поделилась планами создания будущих Европейских

Соединенных Штатов, куда войдут территории нескольких восточно-европейских государств: Польши, Венгрии, Румынии и стран Прибалтики.

Эта сенсационная новость бродит все последние дни по просторам Всемирной сети и, как ни странно, не кажется такой уж неправдоподобной.

На вопрос корреспондента о будущем страны, миссис Клинтон неожиданно ответила, что Соединенные Штаты не могут игнорировать значительное ухудшение геофизической обстановки в районе Йеллоустонского национального парка и разлома Сан-Андреас, грозящей катастрофическими последствиями для Северной Америки и ставящей под угрозу само ее существование.

По вопросу о будущем граждан указанных ей стран Хиллари отметила, что этот вопрос не является первостепенным, так как, исходя из существующей обстановки, жители указанных территорий будут счастливы стать гражданами новых Европейских Соединенных Штатов, однако такая возможность будет далеко не у всех, и какую-то часть расселят по странам Ближнего Востока и Африки, так как это является, к сожалению, неизбежным процессом при геополитических изменениях, где сильные страны занимают жизненно необходимую им территорию слабых и бесперспективных государств, которые, как показывает история, прекращают свое дальнейшее существование.

Естественно, Европейские Соединенные Штаты в перспективе займут ту территорию, где государственность находится в коме, без надежды на выздоровление. На сегодняшний момент это, без всякого сомнения, Украина, расположенная на значительной и экономически выгодной территории, которой украинские власти уже более четверти века не могут рационально управлять, где из года в год весь мир наблюдает только прогрессивно растущую государственную, социальную, демографическую и экономическую деградацию. Это же можно отнести и к странам прибалтийского региона. Надеюсь, что Европейские Соединенные Штаты сумеют достойно заменить эти недогосударственные недоразумения на европейской площадке, – заявила Клинтон.

Моё мнение:

Даже если это фейк, то он очень похож на правду в свете сегодняшних событий на Украине и вообще в Европе. Здесь скрыта главная причина поведения США в Европейском регионе.

Записи в дневнике моего собеседника на этом заканчиваются.

Мне жаль, что я не смогла попрощаться с моим попутчиком. А моё мнение такое: у нас, русских, есть главная составляющая – чувство Родины, если оно перевесит на чаше весов «быть или не быть», он вернётся...

